

имеющей различную степень коммуникативного показания/противопоказания для общественной речевой деятельности: *mulat* – *mixed race* политкорректное, *mulatto* неполиткорректное, *coloured* крайне неполиткорректное; *полицейский* – *police officer* политкорректное, *policeman* неполиткорректное, *лысый* – *hair-disadvantaged* неполиткорректное, *bold* неполиткорректное. На наш взгляд, необходимо ввести специальную словарную помету и использовать ее при описании подобного функционального признака. Также при контрастивном описании функционального макрокомпонента значения ряда наименований лиц, которые предназначены для оказания воздействия на собеседника, целесообразно использовать другую новую помету, фиксирующую признак *тональность общения*, для выявления стремления говорящего продемонстрировать уважение или неуважение к слушающему, доброжелательное или недоброжелательное отношение к его личности, тем самым поддержать или прекратить межличностное общение, например: *пьяница* тонально-нейтральное – *an old soak* часто фамильярно-дружеское, *piss artist* оскорбительное, *pisshead* тонально недопустимое. Выбор подобных единиц языка может быть обусловлен рядом причин, среди которых следует отметить культурно-исторические особенности народа – носителя языка в целом, принадлежность личности к определенной социальной группе, личностные качества человека, что, таким образом, находит свое отражение в структуре их функционального макрокомпонента значения.

В итоге подчеркнем, что выявление и описание особенностей семантики наименований

лиц одного языка на фоне другого, проводимое в русле аспектного подхода по контрастивной методике, – процесс многогранный, требующий к себе пристального внимания и неразрывно связанный с вопросами специфичности национальных языковых картин мира. Вышеизложенный подход к решению проблем, связанных с исследованием лексического и фразеологического состава двух языков, не только способствует дальнейшему совершенствованию методики описания основных форм проявления национальной специфики семантики русских и английских языковых единиц, но и может иметь прикладное значение при разработке принципов создания контрастивных словарей разных типов и назначений.

Примечания

- 1 Попова З., Стернин И. Лексическая система языка. Воронеж, 2007. С. 35.
- 2 Маклакова Е. Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика). Воронеж, 2009. С. 239–257.
- 3 Гак В. Языковые преобразования. М., 1998. С. 457.
- 4 Кубрякова Е. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 90.
- 5 Беляевская Е. Семантика слова. М., 1987. С. 50.
- 6 Телия В. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 128.
- 7 Девкин В. Разновидности номинации // Вопр. немецкой филологии. М., 1971. Т. 475. С. 87.
- 8 Стернин И. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Воронеж, 2004. С. 82.

УДК 811.161.1'373

АНТРОПООРИЕНТИРОВАННОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. В. Иванча

Саратовский государственный университет
E-mail: agi@inbox.ru

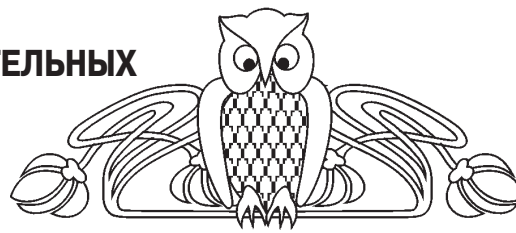
На материале русского языка рассматривается антропоцентричный характер усилительных высказываний с интенсифицирующими прилагательными.

Ключевые слова: категория интенсивности, усилительные прилагательные, антропоцентричность языка.

Anthropocentric Character of Intensifying Adjectives in Russian Language

A. V. Ivancha

Anthropocentric character of the clauses with intensifying adjectives in Russian language is described.

Key words: category of intensity, intensifying adjectives, anthropocentric character of language.

В последнее время в лингвистике резко возрос интерес к когнитивному аспекту анализа языка, раскрывающему специфику языковой картины мира, одной из важнейших черт которой является ее антропоцентричность. Изучение языковой картины мира и взаимоотношений членов триады «язык – мир – человек» находится в центре внимания современной лингвистики. Антропоориентированность языковой картины мира выступает в виде связи «знаний, заложенных в языке, с субъектом восприятия, познания, мыш-

ления, поведения и практической деятельности», проявляется как «преломление реального мира – его видения, понимания и структурирования – в сознании субъекта и фиксирование его в языке в виде субъектно (и этнически) ориентированных понятий, представлений, образов, концептов и моделей»¹.

В рамках новой лингвистической парадигмы, характеризующейся расширением границ лингвистики «в результате привлечения к лингвистическому описанию данных из психологии, культурологи, социологии, философии и ряда других антропоориентированных дисциплин», основная функция языка осмыслена не столько как функция передачи информации и осуществления референции, сколько как функция «ориентации личности в ее собственной познавательной области, то есть язык стал еще больше рассматриваться как система ориентирующего поведения, где коннотация играет решающую роль»².

Одним из направлений этой антропоориентированной функции языка, или иначе, субъективности, внутренне присущей самому процессу пользования языком (по Э. Бенвенисту³), оказывается богатая система средств усиления, интенсификации, активно применяемая носителями разных языков в различных сферах коммуникации. Важная роль среди многообразных средств интенсификации высказывания принадлежит именам прилагательным. Интенсифицирующую функцию выполняют в речи прилагательные не только специализированные на выражении коннотации усиления (собственно усилители типа *большой, высокий, колоссальный* и др.), но и других семантических групп, которые в целом образуют весьма обширную, практически неисчерпаемую область потенциальных усилителей. При этом в одних случаях коннотация усиления выступает как часть метафорических значений прилагательных и зафиксирована в соответствующих словарных дефинициях (ср. *глухой, острый, колючий, колкий* и др.), в других проявляется лишь в речи как окказионально актуализованная имплицитная коннотация прилагательного (ср. *баскетбольный рост, немецкая аккуратность* и др.)

Выступая в качестве средств субъективной характеристики предметов и явлений, прилагательные-интенсификаторы являются показателями подчеркнутой антропоориентированности высказывания; все прилагательные, используемые в функции усиления, имеют ярко антропоцентрическую природу.

Однако мы хотели бы обратить внимание на два конкретных аспекта антропоориентированности интенсифицирующих прилагательных. Во-первых, среди прилагательных с усилительной функцией значительную часть составляют адъективы, содержащие в своей семантике антропоориентированный компонент. Во-вторых, контекстом усилительных прилагательных различной семантики нередко выступают существительные с

антропоцентричной семантикой. Анализ лексико-семантических групп прилагательных, используемых в роли интенсификаторов, показывает, что значительную активность проявляют прилагательные, обозначающие **состояние, качества и поступки человека** (*безжалостный, мучительный, яростный, активный, бывалый, жадный, жестокий, заядлый, кроткий, мужественный, наглый, непреклонный, радостный, радушный, удалой, упорный, царский* и др.). Интенсификаторы этой группы используются как при характеристике лиц, так и в функции средств оценки других референтных сфер – событий, ситуаций, явлений, предметов. Ср.:

Кузя, с недавних пор тоже ставший заядлым картежником, затрусил за ним мелкой рысцой (Д. Емец, 2004);

Завязалась жестокая драка. С громким криком я бросился к дерущимся (В. Запашный, 1998–2004);

«Расследовать запутанные детективные истории», – хотела было выпалить я, но вовремя схватила себя за язык и выдала наглую ложь (Д. Донцова, 2004);

Ирина уже ничего не ждала для себя лично, и в этот момент судьба сделала ей царский подарок (В. Токарева, 2002).

Интенсификаторы с антропоориентированной семантикой также широко представлены в лексико-семантических группах со значением **невозможного/сложного** (*необозримый, непроглядный, нечеловеческий*). Ср.:

Только тут он понял, какая нечеловеческая усталость, боль и страх скопились в его теле (П. Галицкий, 2000);

Фонарь к этому времени уже погас, вокруг царил непроглядная тьма (Л. Юзефович, 2001);

Дом стоял на высоком берегу реки, за рекой открывались необозримые дали (В. Шукшин, 1973).

Основную часть единиц, относящихся к данной группе, составляют прилагательные отпричастного происхождения на *-мый*, семантика которых включает указание на позицию субъекта, действия/состояния (*невообразимый, недопустимый, недостижимый, непереносимый, непобедимый, непробиваемый* и под.). Употребляясь в сочетаниях с существительными различной семантики в функции их интенсификаторов, такие прилагательные своей грамматической формой выражают точку зрения оценивающего описываемую ситуацию субъекта. Например:

Началась невообразимая паника, давка, и именно он вывел налезавших на стены, тыкающихся в углы перепуганных одноклассников – помимо телесной осязательной памяти у него еще как будто сидел в голове компас (П. Алешковский, 1990–1993).

Точка зрения говорящего отчетливо выражена также в разного рода оценивающих прилагательных-интенсификаторах, таких как *гадкий, гнус-*

ный, замечательный, изумительный, прекрасный, ужасный, в прилагательных с семантическим компонентом «редкий», «сверхъестественный» (баснословный, божественный, вопиющий, неслыханный, поразительный и др.), в прилагательных с семантикой «передовой», «лучший» (величайший, достойный, святой, триумфальный, успешный и др.). Ср.:

Инокентьев пришел в двенадцатом часу. Поздравил меня с баснословным успехом: – В один день стать знаменитым и богатым – такое редко бывает, мой друг (Ю. Азаров, 2002);

Хранитель, обладавший отличной памятью, сделал это с изумительной точностью, тем более что некогда ему уже было поручено письменно изложить содержание таких книг (В. Кожевников, 1968);

Основные посты они миновали подземным ходом, но двигаться вперед все равно нужно было с величайшей осторожностью (С. Осипов, 1998).

Особые группы антропоориентированных прилагательных-усилителей образуют единицы со значением **народ, этнос** (*народный, немецкий, русский*), а также ЛЕ с **прецедентной семантикой** (*сократовский, шаляпинский*). Выступая в функции усилителей, такие прилагательные актуализируют определенные социокультурные стереотипы, связанные с группами людей или отдельными известными личностями. Ср.:

Поэтому даже здесь, в образцовом лагере, с его немецкой дисциплиной и досаждавшим шефством, особенно в международную смену, находился на особом положении <...> (А. Варламов, 2000);

Это был очень заметный в школе человек, отличавшийся высоченным ростом и мощным шаляпинским басом (Б. Левин, 1995).

Другой аспект антропоориентированности прилагательных-интенсификаторов представлен регулярно интенсифицируемыми ими единицами (контекстом усилительных прилагательных). В абсолютном большинстве случаев экспрессивность и интенсифицирующая функция прилагательных проявляются в сочетаниях с антропоориентированными существительными: *бесконечное уважение, безграничное тщеславие, крайнее невежество, глубокая жалость, бурный восторг, звериная скука* и т. п. В подобных случаях усилительная функция реализуется прилагательными различной семантики при условии употребления их в переносном значении. Ср.:

Я колебался между глубокой жалостью и не меньшей неприязнью к этому хамелеону (Л. Саксон, 2001);

Выразив бурный восторг, Дегтярев схватил стоящую возле его прибора кружку, поднес к губам и вскрикнул <...> (Д. Донцова, 2004);

Да Жуков готов был воевать хоть и еще дальше, как машина, его стратегическая теперь хватка и разогнанная стальная воля даже требовали пицци, помола (А. Солженицын, 1994–1995);

Такое чувство, Виктор Павлович, что ваши хвалители и поклонники оказывают вам медвежью услугу – начальство раздражается (В. Гроссман, 1960).

Метафорическими усилителями существительных с антропоцентрической семантикой, обозначающих чувства, эмоциональные состояния, их проявления, свойства и склад личности, поведение, поступки; черты характера; душевные свойства, их проявления, которые могут быть охарактеризованы по таким чертам, свойствам и др., становятся чаще всего **пространственные** и **темпоральные** прилагательные (*крайний, привольный, раздольный, срочный, ежеминутный, безотлагательный* и под.) Ср.:

Но, к крайнему изумлению невольного импровизатора, помещик, погода немного, одобрительно потрел его по плечу (А. Сегень, 2002);

<...> амплитудное сжатие, электронное дифференцирование и интегрирование привольной человеческой речи было таким же инженерным издевательством над ней <...> (А. Солженицын, 1990).

Пространственные и временные значения прилагательных в таком употреблении включены в область субъективности, служат выразителями не объективной, а эгоцентрической локативности и темпоральности⁴.

Усилительную функцию в контексте с антропоморфными существительными выполняют также прилагательные, обозначающие отношение к **природным явлениям** (*безоблачный, белоснежный, бурный, вихревой, проливной*); прилагательные с **количественной семантикой** (*грошевый, копеечный, многогранный, многомиллионный, многосторонний, многоэтажный*); обозначающие отношение к **животным** (*воловий, волчий, животный, лошадиный, собачий*), **материалам** (*железный, золотой, каменный, свинцовый, стальной*); ЛЕ, характеризующие **физическую форму и физическое состояние** (*гибкий, острый, прямой*); **артефакты** (*фотографический, чернильный, ювелирный*); прилагательные с **семантическим компонентом «разнообразный»** (*всемерный, всяческий*); с **параметрическим значением** (*высокий, низкий, тонкий*) и др. Ср.:

<...> а были только силуэты домов и башен и колкое звездное небо, поэтому белоснежный капитан с обезьянкой на плече, в сопровождении матросов, тащивших тяжеленный сундук темного дерева <...> (Ю. Буйда, 2003);

И. М. Фейгенберг следующим образом характеризует яркую и многогранную личность <...> (В. Зинченко, 2004);

Я, бахвалился Андрей, что угодно починю, у меня золотые руки (А. Азольский, 1998);

Лучше всех это удалось одному физика, известному своим острым умом и своеобразностью мышления (Д. Гранин, 1966);

Но он, видимо, обладал фотографической памятью, так как через десять-пятнадцать се-

кунд книгу окончательно закрыл и авторитетно заключил <...> (Б. Левин, 1965–1994);

Но я слышал от опытных и заслуживших **всяческое доверие** путешественников, будто у себя на родине вы разводите крепконогих лаек (М. Семенов, 2003);

Возможно, что это так, но, в отличие от Вагнера, их музыка несет нам тепло человеческого сердца, **высокую духовность** и гуманизм (А. Штильман, 2003).

Референциальное многообразие прилагательных, используемых в качестве усилителей антропоморфных существительных, свидетельствует о широком субъективном освоении и присвоении человеком познаваемого им мира. Оба рассматриваемых в статье аспекта антропоцентричности интенсифицирующих прилагательных – регулярное употребление в качестве усилителей прилагательных с антропоморфной семантикой и регулярная интенсификация значений антропоморфных существительных с помощью разнообразных по референции прилагательных – выявляют су-

щественное свойство организации языка/речи, заключающееся в глубокой антропоориентированности человеческой речи и естественного языка.

Примечания

- ¹ Рябцева Н. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. М., 2001. С. 38.
- ² Горошко Е. Языковое сознание : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. С. 64.
- ³ См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 297.
- ⁴ Об эгоцентричности интерпретации времени см., например: Иванова Т. Концепт «время» и языковые модели времени // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен, 2003; Мыркин В. Трудные вопросы немецкой аспектологии и темпорологии. Архангельск, 1993; Карасик В. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. Вып. 2. Архангельск, 1997.

УДК 821.161.1.09-1+929

БИБЛЕИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

К. С. Медведчикова

Саратовский государственный университет
E-mail: kseniaksm@rambler.ru

В статье проводится филолого-религиозный и духовно-эстетический анализ произведений, позволяющий на их основе реконструировать доминантные категории мироощущения поэтов, выявить воплощение и метаморфозы христианского кода в поэтическом тексте.

Ключевые слова: библиизм, христианский код, мироощущение, идиостиль.

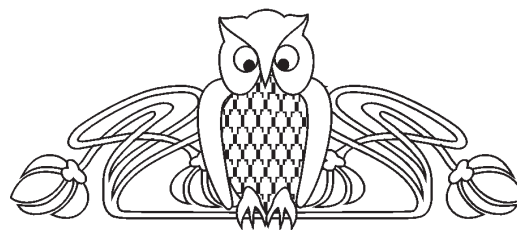
Biblical Expression in Modern Poetic Text

K. S. Medvedchikova

The article offers philological and religious as well as aesthetic analyses of literary works; they enable the reconstruction of the dominant categories of poets' perception of the world; on their basis the embodiment and metamorphoses of the Cristian code in the poetic text can be elicited.

Key words: Biblical expression, Christian code, perception of the world, idiostyle.

Современная литература является отражением человека, чей характер и мироощущение формировались в сложное и интересное время – во второй половине XX в. Духовная сфера жизни несколько лет пребывала под запретом, но на сегодняшний день интерес к религии и церкви резко возрос, в обществе появляется все больше

верующих, религиозных людей, которые могут понять, расшифровать христианский код русской литературы. Знание библейских текстов, авторская их интерпретация порождают как активный процесс создания, так и процесс чтения многих современных литературных произведений с христианской составляющей.

Восприятие русской литературы через призму православия выявляет ее как литературу христианоцентричную, дает возможность выделить некий «христианский текст», существующий на протяжении последних трех веков. Наличие такого текста может быть явно выраженным в творческом наследии, а может быть сокрыто в подтексте, переплетено аллюзиями и намеками, как того требует христианский код писателя.

В поэзии С. Кековой и М. Борцовой христианский текст является творчествообразующей основой. Здесь широко представлены христианские аллюзии, мотивы, образы, библейские имена, скрытые и явные цитаты из Священного Писания. Языковым сигналом такой интертекстуальности становятся библиизмы, к которым мы, опираясь на исследования Г. А. Лилич¹, О. И. Трофимкиной, Н. И. Орловой¹ и других и определение, данное Е. М. Верещагиным, относим «отдельные слова современного русского литературного языка,